

Память 06 августа (ст. стиль 24 июля)

Страдание святой мученицы Христины

В городе Тире¹ один муж высокого рода, по имени Урван, которому принадлежала власть игемона, имела дочь, молодую отроковицу, уведевшую еще в ранних годах своей юности Бога Создателя своего; претерпев мужественно множество лютых мук, она положила за Него и свою душу.

Когда она родилась, отец и мать дали ей имя Христины, что было не по их языческому мудрствованию, но по Божию предусмотрению: это самое имя, как бы некоторое пророчество, предзнаменовывало, что отроковица, пришедши в возраст, сделается христианкой, Христовой рабой и невестой, и мученицей. Когда ей минуло одиннадцать лет, сказалась необыкновенная красота ее, и не было среди отроковиц, подобных ей по красоте. Тогда отец, желая охранить ее от человеческого взгляда, устроил ей

помещение в чрезвычайно высокой палате, приставил к ней лучших рабынь и, поместив там изображения своих богов из золота и серебра, приказал ей повседневно возносить им фимиам и поклоняться. Многие из знатных и богатых людей, слыша о красоте девицы, желали каждый иметь ее за своим сыном в супружестве. Когда же они умоляли о том отца Христины, то Урван отвечал:

– Ни за кого не отдам моей дочери, но посвящаю ее моим богам: чрезвычайно возлюбили ее милостивые боги, и пусть для них пребудет она девственницею, служа им всегда!

Отроковица Христина, возрастая годами и разумом, так как Бог просвещал и вразумлял ее Своею благодатью, начала приходить к познанию истины. Так, взирая в окошечко на небо и на небесные светила, из созданий познавала Создателя и, убедившись в бесчувственности и пустоте бездушных идолов, не захотела приносить им курения и поклоняться, но, смотря на восток, на небо, в вышину, вздыхала и плакала, говоря сама в себе:

– Доколе пребудут сердца людей потемненными, доколе останется омраченным их неразумный смысл, который не обращается к Господу Богу, сотворившему небо и землю и украсившему их такою заметною для глаз красотой?

Рассуждая так сама в себе, она начала поклоняться Единому, Живущему на небесах, истинному Богу и со слезами молилась Ему, да откроет Он ей Себя, дабы она точно узнала Того, к Кому зажглось любовью ее сердце. Когда же она пробыла достаточно дней в молитве и посте, то сподобилась посещения от милости Божией: ибо явился ей ангел Господень, осенил ее крестным знаменiem, нарек невестою Христа, совершенно наставил ее в Богопознании и возвестил ей о подвигах страдания, именно, – что за Единого в Троице Бога она будет истязуема от трех мучителей; укрепив ее на подвиг, он дал ей, так как она взалкала от пощения, вкусить чистый хлеб. После этого ангельского явления, отроковица утешалась духом и радовалась о Боге Спасе своем, благодаря Его, что Он посетил рабу Свою посланием к ней святого ангела; с тех пор она начала еще с большею теплотою молиться Господу и утешаться любовью к Нему. Исполнившись ревностью к Богу, она начала, по одному, брать и сокрушать золотых и серебряных идолов и, раздробив их на части, поздно вечером выбросила из окошка вниз на улицу; утром же проходившие мимо собрали то раздробленное золото и серебро.

Однажды игемон Урван, желая посетить свою дочь и поклониться своим богам, вошел в ту высокую палату и, не увидав идолов, спросил Христину:

– Где боги?

Она же молчала. Тогда, призвав рабынь, он спрашивал и их о богах, а те рассказали ему о том, что сделала с идолами его дочь. Разгневавшись, он начал бить дочь по щекам, прибавляя:

– Куда дела богов?

Но она не хотела ему отвечать. Потом, не сразу открывши честные уста свои, исповедовала Единого истинного Бога, живущего на небесах, Создателя всего. Так называемых богов, золотых и серебряных, назвала бесами – идолами и рассказала, как она сокрушила их своими руками. Тогда, исполнившись величайшей ярости, Урван изрубил мечом всех рабынь, а дочь подверг различным мукам: сначала секли ее без пощады прутьями и бичами, а потом связанную бросили в темницу. Узнав об этом, мать, с плачем и рыданиями, поспешила к ней и увещевала отворотиться от Христа и вернуться к отеческим богам. Но Христова мученица не только не хотела слушать слов матери, но в таких словах отрекалась от нее самой:

– Не называй меня твоею дочерью. Разве не знаешь ты, что я ношу имя Христово, какого имени не сподобился никто из нашего рода? по имени и по делам я уж не вашего рода, а Христова; я стала родственницею Христа – Царя небесного, я Его раба и дочь; Он мне отец, мать и Господь!

Долго, таким образом, мать плакала и, не успев ничего, ушла в горести. Когда прошла ночь и настал день, Урван, подвигнутый бесом злобы на лютость, забыв о естественном чувстве любви к дочери, воссел в судилище, желая мучить святую Христину не как свою кровную дочь, но как чужую и великую злодейку. Когда вели святую из темницы на место суда, многие женщины, видя ее, говорили:

– Бог рабы Твоей Христины! помоги ей, потому что она прибегнула к Тебе!

Вот Христова агница стала перед Урваном, не как перед отцом, но как перед мучителем и плотоядным зверем, и стал соблазнять ее хитростью родитель:

– Жалею о тебе, дитя мое, и умоляю тебя приступи к великим нашим богам и принеси им вместе со мною жертву, чтобы они помиловали тебя и простили тебе грех твой, в коем ты виновна перед ними. Если же ты не сделаешь этого, то ты не дочь мне, и я тебя не помилую.

– Великую радость доставишь ты мне, отвечала святая, если не будешь называть меня твоею дочерью: потому что ты – слуга сатаны, а я раба Христова и уж не твоя дочь, потому что Отцом мне – Создатель мой.

Воспламенившись великою яростью, Урван приказал отроковицу повесить на мучилище обнаженною, строгать и дробить острым железом ее чистое девическое тело. И до такой степени было остругано тело, что показались голые кости. Когда она была отвязана от виселицы и увидела лежавшие на земле части своего тела, отпавшие во время пытки, то, собравши их, бросила в лицо отцу со словами:

– Ешь мясо твоей дочери.

Он, еще сильнее разъярившись, распростер святую Христину на железном колесе мучилища, приказал зажечь под нею огонь и горячим маслом поливать ее тело. Тело святой Христины, повертываемое колесом на огне, пеклось, как рыба или мясо для снеди. Для человека, особенно женщины, невозможно было остаться живою от такого мучительства, но Бог хранил жизнь рабы Своей и укреплял ее для прославления святого Своего имени и на унижение язычников. Святая Христина, мучимая таким образом, славилла Бога и молилась Ему. Святые же ангелы невидимо предстояли ей, облегчая ее мучения. В то же время по Божию повелению, неожиданно от огня отделился огромный пламень и устремился на стоявших вокруг нечестивых, и спалило их до тысячи человек. Урван же, не зная, что более сделать с мученицею, приказал бросить ее в темницу; здесь ангел Господень явился ей во время молитвы и исцелил ее от язв и сделал ее совершенно здоровою; он дал ей и пищу, которую принес; мученица подкрепилась и славословила Бога. После того отец приказал бросить ее в море; слуги, взяв рабу Христову, посадили ее в лодку, отвезли далеко

от берега и, навязав большой камень на шею, бросили в пучину. Ангел Божий принял ее и отвязал камень от шеи; камень погрузился, а святая, поддерживаемая руками бесплотного, ходила по водам, как посуху; и так море было для нее купелью святого крещения, которого она так жаждала. Светлый облак осенил ее и был свыше голос, провещавший над нею имя Святой Троицы, как требует того чин святого крещения, и увидела святая Христина Господа, явившегося ей и изрекшего ей наполняющие радостью слова. Вышедши на сушу, она явилась пред лицом своего родителя и ужаснула его. В самом деле удивлялся и ужасался нечестивец, видя святую отроковицу, вышедшую из моря живою. Но и в таком чуде он не усмотрел Божией силы, а счел его за действие волшебства. Он повелел снова бросить мученицу в темницу, намереваясь на утро казнить ее мечом. Но в ту ночь сам, неожиданно посеченный косою смерти, погиб на веки, а святая осталась жива, прославляя и благодаря Бога.

После неожиданной гибели Урвана, прислан был от царя, на его место, другой (игемон) по имени Дион, и ему было сообщено о заключенной в темнице Христине. Он, выведши ее из темницы и представив ее на свой суд, сначала пытался ласкательством увлечь мученицу к богоотступничеству; когда же нашел ее непоколебимой в святой вере, долго мучил ее, подвергнув бичам, стругая железными когтями и паля огнем. Он приказал сильно разжечь железную сковороду, протянуть на ней обнаженную святую и вертеть, поливая кипящим маслом и смолою, принуждая ее поклониться идолу Аполлона, стоявшего там поблизости. Но мученица, как адамант² пребывала тверда в постоянстве исповедания пресвятого имени Иисуса Христа. Идола же Аполлона своею молитвою она разрушила, и когда идол упал и обратился в прах, тогда и правитель Дион упал в землю и умер. Бес, обитавший в кумире, когда разрушилось его обиталище, унес душу своего ревностного служителя и водворил ее с собою в аду, а святую мученицу приняли опять оковы и темница. И не бесследно было страдание девы Христовой, потому что многие из народа, видя такие чудеса, славил Единого Бога Иисуса Христа, и уверовало в Него до трех тысяч душ, и приходили обращавшиеся к святой, содержащейся не малое время в темнице, и она учила их, пока не прибыл в город Тир иной правитель, по имени Юлиан.

Он, призвав святую к суду, также подверг ее различным мукам: сначала разожгли огромную печь и три дня раскаляли ее; потом бросили туда мученицу и закрыли, и пять дней пробыла там, в печи, святая отроковица Христина, не тронутая огнем, как в древности вавилонские отроки (Дан.3 гл.); как будто сидя в чертоге, пела она, славя Бога. Ибо с нею были ангелы Господни, орошая и прохлаждая печь, и с ее пением соединяли свое, так что воины, стоявшие на страже у печи, слышали голоса поющих. Когда, спустя пять дней, открыли печь, святая оказалась цела и невредима, ничуть не тронутая огнем, и прославлялся Бог христианский, а языческое нечестие посрамлялось. Игемон же, ослепленный сатанинскою злобою, не познал в этом Божией силы, но называл такое удивительное чудо волшебством. Желая во что бы то ни стало преодолеть непреодолимую, он призвал волхвов и кудесников, умеющих заговаривать всяких гадов, и приказал им своим чарами собрать множество змей, ехидн и скорпионов и всех их пустить на мученицу, чтобы они причинили ей смерть своими ядовитыми укусами. Когда же пустили гадов на святую, ни один из них не причинил ей вреда, хотя и ползали они вокруг и даже обвивались по ее телу. Около стоял главнейший из кудесников, который своим нашептыванием и хитростями поощрял гадов, чтобы они поражали укусами отроковицу. Но те, по Божью повелению, с силою устремились на своего чарователя и тотчас причинили ему смерть своими укусами. А святая сказала гадам:

– Именем Иисуса Христа повелеваю вам, ползающим змеям, ехиднам и скорпионам: идите каждый на свое место, никому не вреди!

И гады тотчас расползлись в разные стороны. Спустя некоторое время, смилосердившись над умершим от гадов, она воскресил его, помолившись Господу, и сделал то, что он стал христианином. И не только он, но многие, видя такие дивные чудеса, уверовали в Господа. Князь же, разъярившись, приказал отрезать ей девственные сосцы и

потекло из ран молоко вместо крови. Тогда отрезали ей язык, прославлявший Христа Бога. Мученица же и после того, как отрезали ей язык, говорила ясно и, схватив отрезанный язык, бросила в лицо князю и попала ему в глаза:

– Ешь, – сказала, – нечестивец, мои члены!

И ослеп князь от этого прикосновения языка к глазам, а святая еще с большею силою благословляла Бога, а идолов и идолослужителей поносила. Игемон же, не снося более обидных слов святой Христины и гневаясь за свое ослепление, приказал предать ее смерти. Тогда святая была проколота железными копьями от воинов, и предала непорочная дева и великая мученица Христова святая Христина свою честную и святую душу в руки Господа своего. Столь великую силу явил в лице ее Господь, что три лютых мучителя не возмogli одолеть одной отроковицы. Один из рода святой Христины, веровавший во Христа, взял многострадальное тело ее и похоронил с честью. Всё это происходило в царствование у римлян и греков нечестивого Севера, в великое царствование у христиан Господа Иисуса Христа, Которому честь и слава со Отцом и Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков, аминь³.

Кондак, глас 4:

Световидная голубица позналася еси, криле имущи злате, и в высоте небесней возлетела еси, Христино честная: темже твой славный праздник совершаем, верою покланяющемся твоих мощей раце, из неяже истекает всем обильно исцеление божественное, душам же и телом.

¹ Тир на острове Волсены (в нынешнем Тосканском герцогстве), впоследствии, по преданию, будто бы поглощенный водою; другие разумеют известный город Тир на Востоке, и нужно заметить, что память св. Христины издревле особенно чтится на Востоке.

² Т. е. алмаз.

³ По другим, более вероятным, известиям св. Христина пострадала около 300 года в царствование Диоклитиана.

Житие преподобного отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерского

Блаженный и достохвальный Поликарп – многоплодный по имени¹ – был многоплоден и в своих добрых делах; он принес тот обильный плод, о котором сказал Небесный Делатель: "Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода" (Иоан.12:24), и еще: "кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода" (Иоан.15:5). Этот блаженный скоропреходящую славу и образ мира сего вменил в прах и, приняв святой ангельский иноческий образ в монастыре, прославившемся пещерами, словно зерно, на вспаханной земле, умерщвлял всячески постническими подвигами свое тело, духом всегда пребывая в Боге. Таким образом он сотворил много плодов, достойных покаяния, и проявил на себе все плоды духа: **любовь** нелицемерную к Богу и к братии, **радость** непорочной совести, **мир** победы над всякими страстями, **долготерпение** в несчастиях и печалях, **благость** в повиновении всем, милосердие в сердечных заботах о бедных, **веру** непоколебимую в исполнении заповедей, истинную в исполнении обетов, **кротость** в незнании гнева, **воздержание** от пищи и питья, обильного и вкусного, и вообще от всех страстей телесных (ср. Гал.5:22-23). Все эти плоды возрастил в блаженном Поликарпе Бог, а насадил святой Симон, епископ владимирский и суздальский². Последний

был ему родственник по крови и не хотел, чтоб и духом Поликарп удалялся от него, но, как добрый корень, старался вырастить и добрую ветвь. Поэтому, когда Симон сам был назначен из печерского святого монастыря на престол владимирской и суздальской епископии, то взял туда же с собой и блаженного Поликарпа; там он поощрял Поликарпа к добродетельной жизни и для этого вел с ним душеполезные беседы о том, что сам читал или слышал в разговорах очевидцев о прежних святых иноках печерских, о том, какие тяжелые труды несли они, и о том, как они настолько угодили Богу, что даже и здесь просияли чудотворным нетлением своих мощей, в знак получения ими нетленного венца на небе. А блаженный Поликарп, вспахав землю сердца своего послушанием и посеяв там семена отеческого поучения, принес плод сторицею. Он не только сам был многоплоден в добродетели, но и во всех православных желал вкоренить такую же плодоносность. Поэтому, что слышал от блаженного епископа Симона о богоугодных подвигах преподобных отцов печерских, всё это он потрудился написать на пользу и другим спасающимся; таким образом, живя при том блаженном епископе, он изложил дивные жития многих святых в своем послании к блаженному Акиндину, архимандриту печерскому; эти жития помещаются во второй части Киево-Печерского патерика. Впоследствии блаженный Поликарп, хотя и расстался телесно с отцом и наставником своим Симоном, возвратившись из его епископии опять в печерский монастырь, однако своей добродетелью он не удалился от того святого мужа: он хорошо укоренил в своем сердце его прежние поучения и старался хранить и возвращать их. И святой Симон с своей стороны не переставал и здесь поучать его своим письменным посланием, полным боговдохновенных наставлений и описаний добродетельной жизни печерских святых. Имея всегда перед глазами это послание, блаженный Поликарп записывал все слова отеческие на скрижали своего сердца, читал их умом и исполнял на деле. Так строго подвизаясь, он достиг высокой степени добродетели.

Когда блаженный Акиндин, архимандрит печерский, заботливо и богоугодно пасший Христово стадо, достиг глубокой старости и после долговременных трудов переселился к Господу на вечный покой, тогда не было в богоизбранном числе святых братий другого старейшего и более опытного в иноческих подвигах, кроме Поликарпа. Поэтому весь полк добрых воинов Христовых единогласно и единодушно избрал себе в вожди и наставники этого блаженного, как достойного и могущего управлять кормилом святой великой лавры Пресвятой Богородицы и преподобных отцов наших Антония и Феодосия печерских; это было при великом князе киевском Ростиславе Мстиславиче³, при митрополите Иоанне, четвертом митрополите этого имени⁴ и третьем поле митрополита Клима, освященного главою святого Климента⁵. Приняв начальство над святой великой лаврой печерской⁶, блаженный Поликарп усердно старался сохранить все монастырские уставы, положенные преподобным Феодосием⁷, ничего к ним не прибавляя (постороннего). Он оказался искусным руководителем в деле спасения; такого действительно и требовала чудотворная лавра и славилась им. Повсюду шла слава о ее благочинии под начальством блаженного Поликарпа. Многие из благородных и владетельных князей пользовались его наставлениями и стремились к добродетельной жизни, так что оставляли свои славные престолы из желания жить вместе с ним, ярким примером чего является приснопамятный киевский князь Ростислав Мстиславич. Этот христолюбец, ставя себе всегда образом жизни блаженного Поликарпа, завел у себя такой добрый обычай: великим постом, каждую субботу и каждое воскресенье он приглашал к себе на обед двенадцать печерских монахов и тринадцатого блаженного архимандрита Поликарпа, и, накормив их, не отпускал с пустыми руками. А сам каждое воскресенье причащался божественных тайн, молясь со слезами, воздыханием сердечным и стонами, так что никто, кто видел его в таком умилении, не мог удержаться от слез. Когда же кончался святой великий пост, то в Лазареву субботу христолюбивый князь созывал всех печерских блаженных старцев, просиявших постническим подвигом, угощал их всех радушно, одарял милостынею и отпускал с честью. Таким же образом созывал и угощал он братию и других монастырей, но в

особенности братию печерскую, потому что очень любил добродетельную жизнь всех их и по преимуществу блаженного их наставника Поликарпа, подражавшего всячески первоначальным наставникам печерским Антонию и Феодосию. Князь, поэтому, часто говаривал блаженному, чтобы принял его в число иноков печерской обители. Но блаженный Поликарп отвечал ему:

– Благочестивый князь! вам Бог велел вести другую жизнь, – управлять, творить праведный суд и строго соблюдать крестное целование.

А князь Ростислав возражал ему:

– Отец святой! княжение мира сего не может быть без греха, и мне оно уже надоело и утомило меня своими вседневными заботами, поэтому хотелось бы мне хоть немного в старости послужить Богу и подражать тем князьям и царям, которые узким и трудным путем шли и достигли небесного царства.

На эти слова блаженный Поликарп сказал:

– Христоробивый князь! если ты хочешь этого от всего сердца, то да будет воля Божия.

Хотя князь и не успел привести в исполнение этого намерения, однако из следующего ясно видно, что оно было у него действительно горячим сердечным желанием, а родилось под влиянием доброго примера святого Поликарпа.

Когда князь сильно заболел в Смоленске и велел везти себя в Киев, то сестра его Рогнеда, видя, что брат так слаб, просила его:

– Останься здесь в Смоленске, и здесь положим тебя в своей церкви.

Он же отвечал ей:

– Пожалуйста, не делайте так, но даже если я и очень слаб, всё-таки пусть меня везут в Киев; если Бог меня возьмет в пути, то пусть положат мое тело в монастыре святого Феодора, построенном моим отцом; если же Бог избавит меня от этой болезни, то обещаюсь постричься в монахи в святом печерском монастыре при блаженном Поликарпе.

Потом, когда усилилась его болезнь, и он уже был при смерти, он сказал своему духовному отцу, священнику Симеону:

– Ты ответишь Богу за то, что не позволил мне постричься у того святого мужа в Печерском монастыре: я горячо желал этого, и да простит мне Господь грех, что я не исполнил обета!

Так принял он блаженную кончину. Началом и причиной такой добродетельной жизни приснопамятного князя было не что иное, как пример подвижнической жизни и боговдохновенная беседа преподобного отца нашего Поликарпа, бывшего в его княжение достойным начальником святой чудотворной Печерской лавры; увлекая не только братию, но и благочестивых мирян своим добродетельным примером, он поставлял их на путь покаяния и спасения. Так заботливо пас он врученную ему Богом паству. Он долго жил и в глубокой старости преставился к Господу в 6690 году от сотворения мира, а от рождества Христова в 1182, 24 июля, в праздник святых страстотерпцев, князей русских Бориса и Глеба⁸. Облачили его тело и погребли с честью вместе со святыми отцами.

После его смерти возникло большое затруднение в монастыре: братия не могли себе избрать нового игумена. Хотя многие из блаженных старцев были достойны такого сана, но ни один не хотел его принять по своему смирению и обету безмолвия: им казалось лучше быть в повиновении и находиться в уединении, чтоб своего сокровища добродетели, собранного упорным трудом, не расточить в заботах и печалях, которые обыкновенно неразлучны с начальствованием. Горько тужили и скорбели братия: нельзя было такому большому стаду ни одного часа быть без пастыря. Во вторник ударили в било; собрались вся братия в церковь и начали молиться о своей нужде Пресвятой Богородице и преподобным отцам Антонию и Феодосию, призывая на помощь подвижника – новопреставленного блаженного Поликарпа и прося его, чтоб умолил Бога указать им вместо себя игумена, и через то показал бы, угодил ли он Господу, или нет. Совершилось чудо: словно одними устами многие сразу сказали:

– Пойдем к благочестивому священнику Василию на Щековицу⁹, пусть он будет нашим игуменом и управляет иноками печерского монастыря.

Пришли все с поклоном к священнику Василию и сказали:

– Мы все, братия печерского монастыря, кланяемся тебе и хотим тебя себе в отцы и игумены!

Священник Василий был весьма изумлен, поклонился им в свою очередь земным поклоном и сказал:

– Отцы святые! я думал только о монашестве; куда мне недостойному быть игуменом.

И долго отказывался он, пока наконец не уступил их настойчивых просьбам. Тогда братия взяла его с собой в монастырь.

В пятницу на пострижение этого Богом избранного Василия прибыли преосвященный митрополит киевский Никифор¹⁰ и боголюбивые епископы: Лаврентий туровский и Николай полоцкий, и все пречестные игумены: преосвященный митрополит Никифор постриг его собственноручно. Так стал он начальником и пастырем добрым иноков святого печерского монастыря после его молитвами, он был для всех образцом добродетелей, во славу и честь небесному Наставнику и Начальнику пастырей, Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, Ему же со безначальным Отцом и с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, подобает от всего создания непрестанное славословие и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

¹ Поликарп в переводе с греческого значит многоплодный.

² Симон – постриженник Печерского монастыря; отсюда он был взят вел. князем Всеволодом Юрьевичем в игумены основанного им во Владимире Рождественского монастыря; затем Симон был поставлен первым епископом Владимирской епархии, отделенной от Ростовской в 1214 г. Симон скончался в 1226 г. после двенадцатилетнего правления. Поликарп, тоже постриженник Печерского монастыря, откуда дважды был возводим на место игумена и дважды возвращался с него в Печерский монастырь; впоследствии он был игуменом Печерского монастыря. Из послания еп. владимирского Симона в Поликарпу и из послания последнего к Акиндину, печерскому архимандриту, содержанием которых служит ряд сказание о печерских чудотворцах и о чудесах, бывших в самом монастыре при построении его великой церкви, и составил знаменитый печерский патерик (отечник, отеческая книга, т.е. книга отцов или об отцах).

³ Ростислав Мстиславич – великий князь в 1154 г. (одну неделю); во второй раз великий князь в 1158 – 1167 гг.

⁴ Иоанн IV митрополит Киевский 1164 – 1166 гг.

⁵ Обычно в период домонгольский Киевский митрополит избирался и посвящался в Константинополе, и известно лишь два случая, когда митрополиты были не греки, а природные русские, избранные и посвященные в самой Руси. В 1051 г. так поставлен был митрополит Иларион; в 1147 г. митрополит Клим или Климент. На соборе (1147 г.) епископов, созванных для избрания и посвящения митрополита, между прочим епископ Черниговский, оправдывая поставление русского митрополита, помимо патриарха Константинопольского, говорил: "Я знаю, что епископы, составляя из себя собор, имеют право поставить митрополита, – к тому же у нас есть глава (мощи) святого Климента; как греки ставит (патриархов) рукой святого Иоанна, (так и мы поставим митрополита)".

⁶ Блаженный Поликарп был избран и посвящен в архимандрита Киево-Печерского монастыря в 1164 г.

⁷ См. Житие Антония Печерского 10 июля.

⁸ Память их совершает церковь под 2 мая.

⁹ Урочище в Киеве.

¹⁰ Никифор II, упоминаемый Летописью с 1182 по 1197 гг.

Благодарный князь Глеб (в Крещении Давид), страстотерпец. Благодарный князь Борис (в Крещении Роман), страстотерпец

Дни памяти

15 мая - Перенесение мощей

5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых

23 июня - Собор Рязанских святых

9 августа (переходящая) - Собор Смоленских святых

6 августа

18 сентября - Убиение

Свв. благодарные князья Борис и Глеб (†1015) – младшие сыновья св. князя Владимира. Воспитанные в христианской вере, они предпочли смерть междоусобной войне: Борис отказался бороться за престол против старшего брата Святополка, а Глеб смиренно принял смерть, зная о судьбе брата. Борис был убит на реке Альте 24 июля, Глеб – у Смоленска 5 сентября. Их подвиг утвердил христианские ценности милосердия и непротивления злу на Руси. Мощи святых

прославились чудесами, они почитаются как небесные покровители Русской земли.

Святой Владимир, сын Святослава, внук Игоря, просветивший Святым Крещением всю землю Русскую, имел 12 сыновей, и младшие были Борис и Глеб, которые родились от царевны Анны, сестры греческих императоров Василия и Константина. И посадил их отец на княжение по разным землям, каждому дав удел: Борису – Ростов, Глебу – Муром. О раннем возрасте свв. Бориса и Глеба прп. Нестор сообщает следующее: «Святой Владимир отпустил всех своих детей по волостям, которые дал им в управление, но Бориса и Глеба держал при себе, потому что они были весьма юны. Святой Глеб был совсем еще дитя, а святой Борис уже проявлял высокий разум, был полон благодати Божией, знал грамоту и любил читать книги. Читал же он жития и мучения святых и, молясь со слезами, просил у Господа, чтобы Он сподобил его участи единого из сих святых. Так он молился постоянно, а святой Глеб слушал его, безотлучно находясь при нем».

Когда уже прошло 28 лет по Святом Крещении, постиг Владимира злой недуг. В это время к отцу прибыл Борис из Ростова. Печенеги, кочевой народ тюркского происхождения, шли ратью на Русь, и Владимир был в великой печали, потому что не имел сил выступить против безбожных. Озабоченный этим, призвал он Бориса, которому во Святом Крещении было наречено имя Роман. Отец дал Борису, блаженному и скоропослушливому, много воинов и послал его против безбожных печенегов. С радостью пошел Борис, сказав отцу: «Вот я перед тобой, готов сотворить что требует воля сердца твоего».

Но не нашел Борис супостатов своих. На возвратном пути к нему прибыл вестник и сказал, что отец его Владимир, нареченный во Святом Крещении Василием, умер месяца июля 15-го дня 1015 года. А Святополк утаил смерть отца, ночью разобрал пол палат в селе Берестовом, обернул тело усопшего в ковер, спустил его на веревках, отвез на санях (в Древней Руси был обычай усопших переносить и перевозить на санях на отпевание в церковь) в Десятинную церковь Пресвятой Богородицы, построенную и украшенную святым князем Владимиром, и поставил там. Все это было сделано тайно.

Услышав сие, Борис сильно опечалился и не мог говорить, но в сердце так плакал по отцу своему: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, воспитатель юности моей, наказание неразумия моего: увы мне, отец и господин мой! К кому я прибегну, на кого я посмотрю, где я насыщусь благого учения и наказания твоего разума? Увы мне, увы мне! Закатилось солнце мое, а я не был тут, не мог сам облачить честное тело твое и предать гробу своими руками. Не переносил я твоего прекрасного и мужественного тела, не сподобился поцеловать твоих седин! О, блаженный мой, помяни меня в месте твоего упокоения. Сердце у меня горит, смущается у меня разум, не знаю я, к кому обратиться и поведать мою горькую печаль. Если к брату, которого я имел бы вместо отца, то тот, кажется, думает о суете мирской и о моем убиении. Если же он решится на мое убиение, то буду мучеником Господу моему. Но не противлюсь, ибо пишется: Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак.4,6)». Так помышляя в уме своем, пошел Борис к брату своему и говорил в душе: «Воля Твоя да будет, Господи мой».

Идя своим путем, Борис горько плакал; хотел удержаться от слез, но не мог, и все, видя его в слезах, плакали о его благородной красоте и добром разуме. И кто мог не заплакать, предчувствуя смерть Бориса, видя его унылое лицо и его скорбь, ибо был блаженный князь правдив, щедр и тих, кроток и смирен, всех миловал и всем помогал.

Но святого Бориса укрепляла мысль о том, что, если его брат, по научению злых людей, и убьет его, то он будет мучеником, и Господь примет дух его. Он забыл смертную скорбь, утешая свое сердце словами Божиими: иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю (Мк.8,35) и в жизни вечной сохранит ее. Ишел Борис с радостным сердцем, говоря: «Не презри, премилостивый Господи, меня, уповающего на Тебя, но спаси душу мою».

Святополк же самовластно утвердился в Киеве, призвал киевлян, раздал им многие дары и отпустил их. Затем послал к Борису с такими словами: «Брат, я хочу с тобой жить в любви и увеличу твою часть в отчем наследии». В этих словах была лесть, а не истина.

Исконный ненавистник добрых людей, диавол, видя, что святой Борис возложил всю надежду на Бога, стал сильнее воздействовать на Святополка, который, подобно Каину, горел огнем братоубийства, задумав избить всех наследников отца своего и одному принять власть его.

Окаянный проклятый Святополк, советник всякого зла и начальник всякой неправды, призвал к себе вышегородских мужей и сказал: «Если вы обещаете положить за меня головы, идите тайно, братья мои, найдите брата моего Бориса и, улучив время, убейте его». И обещались они.

Блаженный Борис на возвратном пути остался на реке Альте в шатрах (он выходил против печенегов). И сказала ему дружина его: «Иди в Киев и сядь на княжеском престоле отца своего, ибо и воинство отчее с тобою». Он же отвечал им: «Не подниму руки на брата своего, да еще на старшего меня, которого мне следует считать за отца». Услышав сие, воины ушли от Бориса, и он остался только с отроками своими. Был тогда день субботний.

Удрученный печалью, вошел он в шатер свой и со слезами жалобно воззвал: «Слез моих не презри, Владыко. Уповаю на Тебя, что приму жребий с Твоими рабами, со всеми святыми Твоими. Ибо Ты Бог Милостивый и Тебе славу воссылаем во веки, аминь».

Наступил вечер, и святой Борис велел служить вечерню; а сам творил молитву и вечерню со слезами горькими, и частым воздыханием, и стенанием многим. Потом лег и уснул. Утром, умывши лицо, стали совершать утреню.

Посланные Святополком пришли на Альту ночью, приблизились и слышали голос блаженного страстотерпца, поющего псалмы, положенные на утрени. Уже дошла до святого весть о предстоящем убиении, и он пел: Господи, что ся умножиша стужающие ми, мнози восстают на мя (Пс.3,2). Обыдоша мя пси мнози и юнцы тучнии одержаша мя. Потом: Господи Боже мой, на Тя уповах, спаси мя (Пс.21:17-18,7:2) и прочие псалмы.

И услышав сильный топот около шатра, святой Борис затрепетал, залился слезами и сказал: «Слава Тебе, Господи, что в свете сем сподобил меня принять горькую смерть из-за

зависти и пострадать за любовь и слово Твое». Священник и отрок, слуга святого Бориса, увидев господина своего ослабевшим и одержимым печалью, горько заплакали и сказали: «Милый господин наш дорогой, какой благодати сподобился ты, ибо не захотел противиться брату своему ради любви Христовой, хоть и много воинов имел ты у себя».

Тут они увидели бегущих к шатру, блеск их оружия и обнаженные их мечи. Без милости было пронзено честное тело святого блаженного страстотерпца Христова Бориса. Его проткнули копьями Путша и Талец и Елович Ляшко. Видя сие, отрок святого Бориса бросился на тело его и сказал: «Не оставлю тебя, господин мой дорогой; тут пусть и я буду сподоблен окончить свою жизнь с тобою». Был же он родом венгерец, звали его Георгий, и был он любим князем безмерно. Тут пронзили и отрока.

Раненный Борис выбежал из шатра и начал умолять и упрашивать убийц: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте мне помолиться Богу моему». И он молился: «Господи Боже милостивый, слава Тебе, ибо освободил меня от прельщения жития сего. Слава Тебе, прещедрый Податель жизни, сподобивший меня страдания святых Твоих мучеников. Слава Тебе, Владыко Человеколюбец, исполнивший желание сердца моего. Слава, Христе, милосердию Твоему, ибо Ты направил на правый и мирный путь ноги мои идти к Тебе без соблазна. Призри с высоты святости Твоей; посмотри на сердечное мое страдание, которое я принял от своего сродника. Ибо ради Тебя умерщвляют меня сегодня. Они, как агнца, пожирают меня. Знаешь, Господи, знаешь, что я не противлюсь, не возражаю. Имея в своих руках всех воинов отца своего (их было 8 тысяч) и всех его любимцев, я не помыслил ничего злого сотворить брату моему... И не поставь ему в вину греха сего, но прими с миром душу мою. Аминь».

Затем, обратив к убийцам истомленное лицо свое и воззрев на них умиленными очами, заливаясь слезами, сказал им: «Братья, приступите и окончите повеленное вам, и да будет мир брату моему и вам, братья».

Многие плакали и взывали: «Как удивительно, что ты не захотел славы мира сего и величия, не захотел быть среди честных вельмож. Кто не удивится великому его смирению, кто не смирится, видя и слыша его смирение!»

Посланные Святополком избили и многих отроков. Блаженного Бориса они обернули шатром и, положивши на повозку, повезли. А когда узнал о сем Святополк, то послал двух варягов, и те пронзили мечом сердце мученика. И тотчас святой скончался, предав душу в руки Бога Жива, месяца июля в 24 день. Тело его тайно принесли в Вышгород, положили у церкви святого Василия и в земле погребли его.

Так святой Борис, прияв венец от Христа Бога, был сопричтен с праведными и водворился с пророками и апостолами и с ликами мученическими, воспевая с Ангелами, веселясь в лике святых.

Окаянные же убийцы пришли к Святополку, считая себя достойными похвалы. Такими слугами бесы бывают. Злой же человек, стремящийся ко злу, не уступает во зле бесу. Бесы веруют и Бога боятся и трепещут (Иак.2,19), а злой человек Бога не боится и не стыдится людей. Бесы боятся Креста Господня, а злой человек даже и Креста не боится.

Не остановился на сем убийстве окаянный Святополк, но замыслил убить и Глеба, брата своего. И послал сказать блаженному Глебу: «Иди скорей, отец очень нездоров и зовет тебя».

Глеб тотчас сел на коня и с малой дружиной помчался на зов. Когда он доехал до Волги, у устья Тьмы на поле споткнулся под ним конь в канаву и повредил себе ногу. Затем прибыл к Смоленску и, отойдя от Смоленска, недалеко остановился на реке Смядыне в лодке. В это время пришла от Предславы к Ярославу весть о смерти отца. Ярослав же послал к Глебу со словами: «Не ходи, брат, отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услышав сие, блаженный запечалился, горько зарыдал и сказал: «Увы мне, господин мой, двумя плачами я плачу и сетую двумя сетованиями. Увы мне, увy мне, плачу я об отце, плачу больше, в отчаянии, по тебе, брат и господин мой Борис. Как пронзили тебя, как ты безмилостивно

был предан смерти, не от врага, но от своего брата приял гибель. Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели жить в сем житии одному, осиротевшему от тебя».

Когда святой Глеб так стenal, внезапно появились посланные Святополком злые его слуги и стали плыть к нему. Когда лодки поравнялись, злодеи схватили лодку князя за уключины, потянули к себе и стали скакать в нее, имея в руках обнаженные мечи. У гребцов выпали из рук весла и все помертвели от страха. Блаженный, видя, что его хотят убить, взглянул на злодеев умиленными очами и с сокрушенным сердцем, смиренным разумом и частым воздыханием, заливаясь слезами и слабая телом, стал жалобно молить их: «Не троньте меня, братья мои милые и дорогие. Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и господа мои. Если есть обида, то ведите меня к князю вашему, а к моему брату и господину. Пощадите юность мою, помилуйте, прошу вас и умоляю. Докажите мне, что злого сделал я».

Но убийц не постыдило ни одно слово. Он же, видя, что они не внимают словам его, стал говорить: «Василий, Василий, отец мой, приклони слух твой и услышь голос мой. Погляди, что случилось с сыном твоим, как без вины закаляют меня. Увы мне, увy мне! И ты, брат Борис, услышь голос мой, погляди на скорбь сердца моего и помолись обо мне общему всех Владыке, так как ты имеешь дерзновение и предстоишь Престолу Его».

Преклонив колена, стал он так молиться: «Прещедрый, премилостивый Господи, не презри слез моих, но с жалостью посмотри на сокрушение сердца моего. Вот я закалаем, но за что и за какую обиду – не знаю. Ты сказал Своим апостолам: в терпении вашем стяжите души ваша (Лк.21,19). Смотри, Господи, и суди. Вот готова душа моя перед Тобою, Господи, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

Затем, взглянув на убийц, сказал им тихим голосом: «Приступайте уж и кончайте то, зачем вы посланы». Тогда окаанный Горясер велел его тотчас зарезать, а старший повар Глеба, именем Торчин, обнажив нож свой, перерезал горло блаженному, как незлобивому агнцу. Сие было 5 сентября в понедельник. И принеслась Господу жертва чистая, святая и благовонная и взошла в Небесные обители к Богу. И узрел святой желанного брата, и оба они восприяли венцы небесные, которые так желали.

Окаанные же убийцы возвратились к пославшему их и сказали: «Сотворили мы повеленное тобою».

Услышав это, Святополк вознесся сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: что хвалишися во злобе, сильнее; беззаконие весь день... Сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгает тя и преселит тя от селения твоего, и корень твой от земли живых (Пс.51,3-7).

Когда святой Глеб был убит, тело его бросили в пустынном месте, между двух колод. Но Господь никогда не оставляет Своих рабов, как сказал Давид: хранит Господь вся кости их, ни едина от них сокрушится (Пс.33,21). И вот, когда тело святого долго лежало на пустыре, Господь не оставил его пребывать в неведении и небрежении, но показывал сие место то свещой горящей, то прохожие купцы, охотники и пастухи слышали пение Ангельское. Но ни слышавшим, не видевшим сие не пришло на мысль поискать тело святого, пока Ярослав, возмущенный сим убийством, не пошел войной на братоубийцу, окаанного Святополка, которого, приняв много бранного труда, победил, при помощи Божией и поспешении святых князей мучеников. Так был посрамлен и побежден нечестивый.

А когда Ярослав еще не знал о смерти отца, а Святополк уже стал княжить в Киеве, то ему пришла весть от сестры Предславы: «Отец у тебя умер, Святополк княжит в Киеве, убил он Бориса, и на Глеба послал убийц. Берегись его». Услышав сие, Ярослав загрустил об отце, брате и на другой день стал собирать дружину.

Собрав варяг тысячу, да других воинов сорок тысяч, Ярослав призвал Бога на помощь и пошел на Святополка со словами: «Не я начал избивать братьев, но он. Пусть же он и ответит за кровь братьев, ибо без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба, и мне то же сотворит. Но суди Бог по правде, чтобы прекратилась злоба грешного». И пошел на

Святополка. Тот же, услышав про поход Ярослава, собрал бесчисленное войско Руси и печенегов и выступил к Любечу.

Это было в лето 6524 (1016 г.). Оба войска встретились у Днепра, стали одно против другого по обе стороны реки, и никакое из них не имело смелости начать бой. Так они и стояли друг против друга около 3 месяцев. И стал воевода Святополка, езда по берегу, укорять новгородцев: «Что вы пришли с хромым, вы – плотники, вот мы вас заставим строить нам хоромы». Услышав сие, новгородцы оскорбились и сказали Ярославу: «Завтра переведемся через реку. Если же кто не пойдет с нами, сами убьем его». В ту пору были уже заморозки. На заре Ярослав с войском перевезлись через реку, высадились и оттолкнули лодки от берега. И вот пошли войска друг на друга и столкнулись.

Сильная была сеча: печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку.

Воины Ярослава притиснули Святополкову рать к озеру, столкнули их на лед, который под ними провалился. И стал одолевать Ярослав. Видя сие, Святополк бежал к ляхам. Ярослав же сел на отцовском княжении в Киев, после того, как пробыл в Новгороде 28 лет.

Через 2 года Святополк пошел против Ярослава с королем Болеславом и ляхами. Ярослав же не успел подготовиться к битве, и победил Болеслав Ярослава. Болеслав вошел со Святополком в Киев, а Ярослав бежал с 4-мя мужами в Новгород. И начали они собирать деньги, с каждого мужа по 4 куны, со старост по 9 гривен, а с бояр – по 80 гривен. Затем призвали варягов и заплатили им собранные деньги. Так собрал Ярослав большое войско. Безумный же Святополк сказал: «Избивайте по городам ляхов». Так и сделали. Тогда Болеслав бежал из Киева, захватив с собой имущество и бояр. Ярослав же устремился на Святополка и победил его. Святополк бежал к печенегам.

В лето 6527 (1019 г.) он возвратился со множеством печенегов. Ярослав собрал войско и выступил против него на Альту. Став на месте, где был убит святой Борис, он воздел руки на небо и сказал: «Вот кровь брата моего вопиет к Тебе, Владыко, как кровь Авеля. Отомсти за него Святополку так, как братоубийце Каину, на которого Ты возложил стенание и трясение (Быт.4,12). Молю Тебя, Господи, пусть Святополк получит то же. О, братья мои, если вы и умерли телом, то живы благодатью и предстоите Господу. Помогите мне молитвою».

Сказав сие, он пошел на Святополка, и поле у реки Альты покрылось множеством воинов. И сошлись войска на восходе солнца, и была злая сеча, соступались трижды, бились целый день, и только к вечеру одолел Ярослав.

Сей же окаянный Святополк бежал. И напал на него бес, и расслабил кости его так, что он не мог сидеть на коне, и его несли на носилках. Так донесли его до Берестья. Он же говорил: «Бегите, вот гонятся за нами». Посылали против погони, но никого не находили. Лежа в немощи, Святополк все вскакивал и говорил: «Бежим, опять гонятся. Ох мне!» Так не мог он побыть на одном месте. И пробежал он через ляшскую землю, гонимый гневом Божиим, и достиг пустыни между землей ляхов и чехов. Тут он лишился жизни и принял возмездие от Господа, так как свидетельствовала посланная на него болезнь о вечной муке по смерти. Так был он лишен той и другой жизни: здесь он лишился не только княжения, но и жития, а там – не только Царства Небесного и пребывания с Ангелами, но и был предан муке и огню. Могила его осталась. От нее исходит злой смрад, на показание людям, что, если услышавший о сем сотворит подобное, то примет и горше сего. С того времени затихла в Русской земле крамола, а Ярослав получил господство в Руси. И стал он вопрошать о телесах святых, как и где они положены. И поведали ему, что святой Борис погребен в Вышгороде, о святом же Глебе не все знали, что он был убит в Смоленске. И тогда сказали Ярославу близкие, что они слышали о приходивших оттуда, будто там они видели сияние и свечи на пустынном месте. Услышав сие, Ярослав послал на поиски в Смоленск пресвитеров.

Те пошли и отыскиали его тело там, где совершались видения. С почтением, со свечами многими и кадилами перенесли они его в лодки и отнесли в Вышгород, где лежало тело преблаженного Бориса, там они вырыли могилу и положили тело, изумленные его

прекрасным и цветущим видом. Дивно и чудно и памяти достойно, что тело святого столько лет оставалось невредимым, не тронутое плотоядными зверями и не только не почернело, как это бывает с трупами, но было светло, прекрасно, цело и благовонно. Так Бог сохранил останки Своего страдальца. Многие не ведали, что тут лежали тела святых страстотерпцев. Но, как сказал святой евангелист, не может град укрытись, верху горы стоя. Ниже вжигают светильник и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем (Мф.5,14-15), так и сих святых Господь поставил светить миру и сиять премногими чудесами в Русской стране, где много страждущих получили спасение. На местах же, где они приняли мученические венцы, были созданы церкви во имя их. И творили они здесь много чудес.

Дивен Бог во святых Своих, творяй чудеса Един (Пс.67:36,71:18), – воспел пророк Давид. Преподобный же Иоанн Дамаскин писал, что такие мужи и по смерти живы и Богу предстоят. Источник нашего спасения Владыка Христос помощь их подаст, ибо от мученических телес миро благоуханное исходит. И кто в Бога верует и в надежду воскресения, тот не назовет их мертвыми. Ибо как мертвая плоть может творить чудеса? Такими бес отгоняется, проходят болезни, исцеляются немощи, слепые получают зрение, прокаженные очищаются, скорби и несчастья прекращаются и всякое доброе даяние от Отца света через них исходит. Они – заступники всего рода, за нас Богу молитвы творят. Почитая память их, с усилием творим праздник святых, которых Господь прославил премногой благодатью и чудесами – сих чудотворцев и заступников всех стран нашей Русской земли.

Многие не знали, что в Вышгороде почивают святые мученики и страстотерпцы Христовы Роман и Давид, но Господь не допустил, чтобы такое сокровище таилось в земле, и обнаружил его для всех. На месте, где они лежали, иногда виделся огненный столп, иногда же слышалось Ангельское пение. Слыша сие и видя, люди приходили поклоняться со страхом на месте том.

Однажды пришли к тому месту, где лежали святые, погребенные под землею, варяги, и один из них вступил на него; тотчас же огонь вышел из гроба и опалил ноги варяга. Тот вскочил, стал рассказывать и показал дружине свои обожженные ноги. С тех пор не осмеливались подходить близко, но со страхом поклонялись.

Известен случай, когда неожиданно загорелся храм во имя святителя Василия Великого, где были захоронены святые страстотерпцы Борис и Глеб. Это было воспринято как некий знак Божий, ибо храм давно обветшал и нуждался в обновлении.

По этому случаю Киевский митрополит Иоанн (1008–1035) и благоверный князь Ярослав пришли на это место с крестным ходом, чтобы с благоговением достать из земли святые мощи Бориса и Глеба. И, откопав, вынули гроб из земли. И приступил митрополит Иоанн и пресвитеры со страхом и любовью, открыли гроб святых и увидели чудо преславное. Тела святых не имели никакого повреждения, но были совершенно целы и белы, как снег, лица их были светлы, как у Ангелов, благоухание исходило от них. Сильно дивились архиепископ и все люди. И отнесли они тела в небольшую часовню, которая была поставлена на месте сгоревшей церкви, и положили их над землею на правой стороне.

Был в Вышгороде муж, именем Миронег, огородник. Он имел сына, у которого нога высохла и согнулась. И не мог он ходить и не ощущал ее. Ходил же он, сделав себе деревянную ногу. И пришел он к святым, припал к гробу и молился Богу и святым, прося от святых исцеления. Так день и ночь молился он со слезами. Однажды ночью явились ему святые страстотерпцы Христовы Роман и Давид и спросили: «Что ты вопиешь к нам?» Тот показал ногу. Они взяли ногу сухую и трижды ее перекрестили. Пробудившись от сна, он увидел себя здоровым и вскочил, славя Бога и святых. Затем он поведал всем, как святые его исцелили, и сказал, что видел и Георгия, отрока святого Бориса, который шел перед святыми, неся свечу. Видя такое чудо, люди прославили Бога.

Князь Ярослав, призвав митрополита Иоанна, с веселием поведал ему слышанное. Архиепископ также воздал хвалу Богу и дал князю богоугодный совет построить церковь.

И построили церковь великую, имеющую пять глав, в 1026 году. С крестным ходом митрополит Иоанн, князь Ярослав, все священники и весь народ перенесли в церковь мощи святых и освятили ее. И установили празднование 24 июля, когда был убит преблаженный Борис.

Когда на Святой литургии присутствовали князь и митрополит, случилось быть в храме человеку хромоту. С большим трудом приполз он в храм, молясь Богу и святым. И тотчас стали крепкими ноги его, благодатью Божией и молитвами святых. И восстав, пошел он перед всеми. Видя сие чудо, благоверный князь Ярослав, митрополит и все люди воздали хвалу Богу и святым.

После литургии князь позвал на трапезу всех, и митрополита, и пресвитеров, и справили они праздник, как подобает. И много имения раздал князь нищим, сиротам и вдовицам.

И вот скончался Ярослав (в 1054 году), оставив наследниками своих сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода, разделив между ними наследие. В последующие годы Вышгородский Борисоглебский храм с мощами святых страстотерпцев становится семейным храмом Ярославичей, святилищем их братской любви и совместного служения Родине.

Прошло два года, и церковь уже обветшала. Придя однажды в нее, Изяслав Ярославич увидел ее ветхость, призвал старшину плотников и велел ему построить новую, одноглавую церковь во имя святых страстотерпцев. Когда церковь была закончена совсем, боголюбец Изяслав умолил архиепископа Георгия, чтобы тот учредил перенесение мощей святых в новую церковь. И взяли прежде князя на рамена тело святого Бориса в раке деревянной и понесли в предшествование преподобных черноризцев со свечами. За иноками шли дьяконы и пресвитеры, затем митрополит и епископы. И принеся, поставили раку в церкви, открыли ее, и исполнилась церковь благоухания чудного. Затем взяли каменную раку с телом святого Глеба, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли их. И когда были уже в дверях, остановилась рака и не двинулась вперед. Тогда повелели народу восклицать: Господи, помилуй! – и молились Господу и святым. И тотчас сдвинули раку. Митрополит Георгий взял руку святого Глеба и благословил ею князей.

И с тех пор (1072 г.) установился сей праздник 2 мая в честь и славу святых мучеников, благодатью Господа нашего Иисуса Христа. Этот день памяти перенесения мощей также стал широко праздноваться на Руси. Летопись под 1093 годом сообщает, что праздник святых Бориса и Глеба явился новым великим праздником земли Русской. Борисоглебский храм с мощами святых страстотерпцев прославился многими чудесными исцелениями, дарованными по милости Божией всем, приходившим с верой и молитвой.

Некий человек был нем и хром, нога у него была отнята по колено. Сделав деревянную ногу, он ходил на ней. И пребывал у церкви святых с иными убогими, принимая от христиан милостыню. В один из дней случилось же так, что ему не дали ни есть, ни пить, и сидел он, голодный и жаждущий. Тогда внезапно впал он в исступление и видение видел. Представилось ему, что он сидит у церкви святых. И увидел он Бориса и Глеба, вышедших как бы из алтаря и шедших к нему, и пал он ниц. Святые взяли его за руку, посадили его и стали говорить об исцелении его. Потом перекрестили уста его, взяли его больную ногу, как бы помазали маслом и потянули ее за колено. Все сие недужный как бы во сне видел, ибо он упал ниц. Увидев его распростертым на земле, люди повертывали его туда и сюда. Он лежал как мертвый, не имея сил двинуть ни устами, ни очами. Только душа его в нем была и сердце билось. Все думали, что его поразил бес. Взяли его, понесли и положили у церкви святых, перед дверями. Много людей стояло вокруг, смотрели и дивились преславному чуду. Из колена страдальца появилась нога и стала расти, пока не сравнялась с другой, и это произошло не в долгий срок, а в один час. Видя сие, находившиеся тут прославили Бога и его угодников, мучеников Романа и Давида. И все воскликнули: «Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его. Дивен Бог творяй чудеса Един» (Пс.105:2,71:18).

Жил в городе некий слепец. Приходил он к церкви святого Георгия и молился святому, прося прозрения. Однажды ночью явился ему святой мученик Георгий и сказал: «Что ты взываешь ко мне! Если ты хочешь прозреть, я тебе поведаю, как сего достигнуть. Иди к святым Борису и Глебу, они, если пожелают, даруют тебе зрение, о котором ты просишь. Ибо им дана благодать от Бога в стране Русской исцелять всякие муки и недуги».

Видя сие и слыша, слепец пробудился и отправился в путь, как ему было велено. Пришел он к церкви святых мучеников и пробыл тут несколько дней, припадая и моля святых, пока они не посетили его. И прозрел он и стал видеть, славя Бога и святых мучеников. И рассказал он всем, как видел, что пришли к нему святые мученики, перекрестили ему глаза трижды, и тотчас они отверзлись. Все возблагодарили Бога за те преславные, предивные и несказанные чудеса, которые творились святыми мучениками. Ибо написано: волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит (Пс.144,19), и еще: вся елика восхоте сотвори (Пс.113,11).

Тогда Святослав, сын Ярослава, замыслил создать святым каменную церковь, но успел довести кладку стен лишь до восьми локтей и скончался в 1079 году. Всеволод, став князем земли Русской, довершил ее всю. Когда же она была окончена, тотчас, в ту же ночь, упал ее верх, и вся она разрушилась.

Почитание святых Бориса и Глеба сильно развилось в эпоху внуков Ярослава, приводя нередко к своеобразному благочестивому соревнованию между ними. Сын Изяслава Святополк († 1113) устроил святым серебряные раки, сын Всеволода Владимир Мономах († 1125) в 1102 году тайно, ночью, прислал мастеров и оковал серебряные раки листами золота. Но их превзошел сын Святослава Олег († 1115), который «умыслил воздвигнуть сокрушившуюся каменную церковь и, приведя строителей, дал в обилии всего, что нужно». Церковь была готова в 1111 году. Расписали ее. Олег много понуждал и молил Святополка, чтобы перенести в нее святые мощи. Святополк не хотел, «зачем не он создал эту церковь». Перенесение мощей совершилось 2 мая 1115 года.

Вообще же имена Борис и Глеб также, как Роман и Давид, были излюбленными во многих поколениях русских князей. Князья состязались в создании великолепных храмов святым мученикам. Сам Олег, кроме Вышгородского храма, воздвиг в 1115 году Борисоглебский собор в Старой Рязани (почему и епархия называлась позже Борисоглебской). Его брат Давид строит такой же в Чернигове (в 1120 году). В 1132 году Юрий Долгорукий построил церковь Бориса и Глеба в Кидекше на реке Нерли, «где было становище святого Бориса». В 1145 году святой Ростислав Смоленский «заложил церковь каменную на Смядыни», в Смоленске. В следующем году возник первый (деревянный) Борисоглебский храм в Новгороде. В 1167 году на смену деревянному закладывается каменный, оконченный и освященный в 1173 году.

Вышгородские святыни были не единственным центром литургического церковного почитания святых страстотерпцев Бориса и Глеба, распространенного по всей Русской земле. Прежде всего, существовали храмы и монастыри в конкретных местностях, связанных с мученическим подвигом святых и их чудесной помощью людям: храм Бориса и Глеба на Дорогожиче, на пути в Вышгород, где святой Борис, по преданию, испустил дух; Борисоглебский монастырь на Тме, близ Торжка (основан в 1030 году), где хранилась глава святого Георгия Угрина. Борисоглебские храмы были воздвигнуты на Альте – в память победы Ярослава Мудрого над Святополком Окаянным 24 июля 1019 года, и на Гзени, в Новгороде – на месте победы над волхвом Глеба Святославича.

И умножались чудеса святых, и, как писано во Святом Евангелии, ни всему миру вместити пишемых (Ин.21,25); они творились, не будучи записываемы, и кто знал о них – рассказывал.

В городе Владимире Залесском княжил внук Владимира Мономаха Всеволод Юрьевич. На него в 1175 году восстали два племянника – Мстислав и Ярополк Ростиславичи. После великой битвы Ростиславичи были поражены Всеволодом, захвачены в плен и приведены во Владимир. Всеволод приставил к ним стражу, но позволил им ходить на свободе.

Владимирцы, видя сих плененных князей на свободе, а не в темнице, возроптали, и великий князь не мог удержать народ от мятежа. Владимирцы разметали темницу и, схвативши Мстислава и Ярополка, ослепили их и отпустили. Так несчастные Ростиславичи, хотевшие большей славы и власти, были усмирены и ослеплены. И вот пошли они к Смоленску и пришли на Смядыню в церковь святых мучеников Бориса и Глеба. Был же тогда день памяти убиения святого Глеба, 5 сентября. И молились князья Богу с великим усердием и призывали на помощь святых мучеников, как сродников своих, чтобы святые послали им облегчение, так как язвы на месте очей гноились у них. Когда они молились, сначала облегчилась боль, а затем неожиданно им было даровано прозрение. Ясно видя, начали Ростиславичи славить и благодарить Бога, Пречистую Богородицу и святых князей Романа и Давида. И возвратились они с радостью в дома свои, рассказывая всюду о милости Господней, поданной им по молитве святых мучеников.

В городе Турове жил в древние времена старец некий, именем Мартин. И страдал он часто от болезни живота. Когда страдания приступали к нему, старец лежал, крича от боли, не имея сил встать и позаботиться о теле своем. Однажды, хвоя тем недугом, лежал он в кельи и изнемогал от жажды. Но никто не посетил его, так как вокруг монастыря тогда разлилась вода. На третий день вошли к нему святые мученики Борис и Глеб, в том виде, как они были изображены на иконе, и спросили: «Чем ты хвораешь, старче?» Тот рассказал им о своем недуге. «Не надо ли тебе воды?» – «О, господа мои, – отвечал старец, – уже давно я жажду». Один из них взял коромысло и принес воды, а другой зачерпнул ковшик. И напоили они старца. Тогда он спросил: «Чьи вы дети?» Они ему отвечали: «Мы братья Ярослава». — Старец, думая, что они родственники князя Ярослава, сказал: «Да пошлет вам Господь многие лета, господа мои, возьмите сами хлеб и ешьте, ибо я не могу послужить вам». Они отвечали: «Пусть хлеб останется для тебя, а мы пойдем. Ты же не хворай больше, но усни». И тотчас стали невидимы. Выздоровев, старец понял, что его посетили святые Борис и Глеб, и, встав, прославил Бога и угодников Его. И с тех пор никогда не хворал он тем недугом, был здоров и рассказывал братии о исцелении, дарованном ему святыми мучениками.

Благоверный князь Александр Ярославич, прозванный Невским, во время княжения своего в Великом Новгороде вел войну со шведами. Когда он с войском пришел на реку Неву, один из его воевод, богобоязненный муж, именем Филипп, исполняя порученную ему ночную стражу, увидел при восходе солнца плывущий по воде корабль; посреди корабля стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червленых, гребцы же сидели, одетые как бы мглою. И сказал святой Борис святому Глебу: «Брат Глеб, пойдем скорее, поможем сроднику нашему князю Александру против неистовых врагов».

Сие видение воевода поведал князю своему. И в тот день князь Александр помощью святых мучеников Бориса и Глеба победил и попрали силу шведов, вождя их Биргера сам уязвил мечом в лицо и с торжеством возвратился в Великий Новгород в 1240 году.

Подобным же образом, когда великий князь Московский Димитрий Иоаннович вел войну с царем татарским Мамаем, ночной страж Фома Хацибеев видел открытое ему Богом такое видение. На высоте показалось большое облако, и вот с востока шли как бы великие полки, с юга же явились двое юношей, державшие в руках свечи и острые обнаженные мечи. Сии юноши были святые мученики Борис и Глеб. И сказали они воеводам татарским: «Кто вам велел истреблять отечество наше, от Господа нам дарованное?» И стали они сечь врагов, так что никто из них не уцелел. Наутро страж тот поведал свое видение великому князю. Князь же, возведя очи на небо и воздев руки, стал молиться со слезами, говоря: «Господи Человеколюбче, по молитвам святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне! Как Моисею на Амалика (Исх.17), как Давиду на Голиафа (1Цар.17), как Ярославу на Святополка, как прадеду моему Александру на шведского короля, так и мне на Мамаю подай помощь».

И вот в день 8 сентября 1380 года великий князь Московский Димитрий, по молитве святых страсотерпцев Бориса и Глеба, победил Мамаю, царя татарского.

Святые страстотерпцы Борис и Глеб были первыми русскими святыми, канонизированными Русской и Византийской Церквями. Служба им была составлена вскоре после их кончины, составителем ее был святитель Иоанн I, митрополит Киевский (1008–1035), что подтверждают записи в Минеях XII века. Свидетельством особого почитания на Руси святых мучеников Бориса и Глеба служат многочисленные списки житий, сказаний о мощах, чудесах и похвальных слов в рукописных и печатных книгах XII–XIX вв. Их заступничество простирается на всех, кто с верой обращается к ним в своих молитвах.

*По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-boris-v-kreshchenii-roman>
<https://azbyka.ru/days/sv-bleb-v-kreshchenii-david>*

Боголеп Черноярский, Астраханский

Преподобный отрок-схимонах Боголеп был сыном московского дворянина Якова Лукича Умакова, отличавшегося своей справедливостью, и его супруги Екатерины. Родился он в 1660 году в Москве. При крещении новорожденному дали имя Борис, в честь святого благоверного князя страстотерпца Бориса (память 24 июля/6 августа). Вскоре Умаков был определен воеводой в город Черный Яр, находившийся в 250-ти верстах от Астрахани.

Борис с самого младенчества проявил черты необыкновенные. По средам и пятницам он не вкушал от груди матери молока; когда благовестили в церкви, начинал плакать и сразу успокаивался, когда его относили в храм. Когда младенца не носили в церковь, он плакал весь день и ничего не ел.

В 1662 году в России распространилась смертельная язва. Мальчик заболел – язва показалась у него на ноге. Он стал хромать, но продолжал ходить в церковь. Родители молились о здравии сына и прилагали все силы, чтобы исцелить его. Но едва прошла одна болезнь, как на лице появилась другая, под названием чечуй.

Однажды во время болезни мальчик увидел странствовавшего инока, который посетил их дом. Ангельское одеяние так поразило мальчика, что он тут же стал просить родителей сшить ему такую же одежду и разрешить принять постриг. При этом святой отрок говорил: «Вот увидите сами, когда пострижете и сподобите меня ангельского образа, я буду здоров». Родители согласились. Мальчик был облечен в схиму с именем Боголеп (русский перевод греческого имени Феопрепий). На другой день святой схимонах Боголеп был совершенно здоров, лицо его стало чисто и не осталось даже следов болезни. Но на третий день новая болезнь – огневица – смертельно поразила отрока. Он скончался 1 августа 1667 года и был погребен у левой стороны деревянной черноярской церкви в честь Воскресения Христова (эта церковь была воздвигнута после большого пожара в Черном Яре, бывшего в 1652 году), по другим источникам, в 1632 году (24 июля, в день памяти святого Бориса). Над могилой святого отрока была устроена часовня.

Многочисленные чудеса и исцеления по молитвам святого схимонаха Боголепа явились основанием для установления ему празднования в день тезоименитства со святым благоверным князем Борисом – 24 июля/6 августа.

Житие святого схимонаха Боголепа было составлено по обету черноярским купцом Саввой Татариновым в 1731–1732 гг. В Астраханском крае были широко распространены иконы святого, известны тропарь и кондак ему.

В 1750 году на месте деревянной была построена каменная церковь с приделом в честь святого мученика Иоанна Воина. Могила святого схимонаха была включена в этот придел. Берег реки, на котором находилась церковь Воскресения Христова, постоянно подмывался. В середине XIX века состояние храма стало угрожающим и из него унесли все святыни. Но черноярцы долго не решались сами взять главную святыню – гроб святого схимонаха. Наконец, когда в 1851 году вода подступила уже на два аршина, жители обратились к

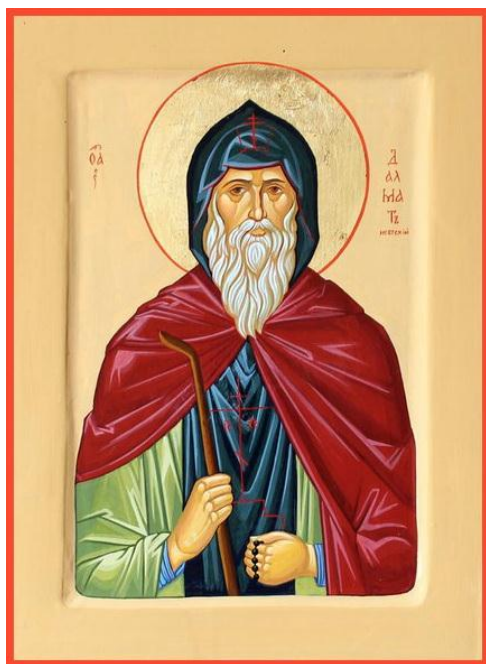
Святейшему Синоду с просьбой перенести святые останки схимонаха Боголепа и получили на это разрешение. Был обретен маленький детский гробик, но лишь только городской глава принял его на руки, как он тут же выскользнул из его рук и вместе с осыпавшейся землей скрылся в водах Волги.

Это исчезновение только что обретенного гроба было воспринято как действие Промысла Божия, так как святой отрок неоднократно являлся другим во сне и наяву ходящим по берегу и падающим под гору. Вместе с тем он утешал, что духом пребудет с верующими.

Простая и полная тайн Божиих жизнь преподобного схимонаха Боголепа являет силу слов Спасителя о детях: Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него. И, обняв их, возложил руки на них и благословил их (Мк. 10, 14–16).

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Преподобный Далмат Исетский, Пермский

Дни памяти

23 июня - Собор Сибирских святых

8 июля

6 августа - Обретение мощей

Основание Далматова монастыря в 1644 г. стало важной вехой в освоении Зауралья. Его создатель – бывший тобольский служилый человек Дмитрий Мокринский, принявший монашество с именем Далмат. Поселившись в пещере на берегу Исети, он сумел мирно урегулировать конфликт с местным мурзой Илигеем, получив эти земли в дар. Несмотря на неоднократные разорения от кочевников, обитель восстанавливалась. Св. Далмат, проживший 103 года (1594-1697), отказался от игуменства, но оставался духовным авторитетом. Его могила стала местом поклонения. В 2013 г. Архиерейский собор Русской

Православной Церкви утвердил его общецерковное прославление.

Город Далматово – одно из первых русских поселений в Зауралье, старше соседних городов Шадринска и Кургана, старше даже Санкт-Петербурга, а город Каменск-Уральский начался с поселения на землях Далматовского монастыря на реке Железянке. Это время заселения Сибири русскими людьми – продвижение Российского государства на восток. Свое название город получил от Далматовского Успенского мужского монастыря, основателем которого стал в далеком 1644 году от Рождества Христова старец Далмат.

До пострижения в монахи преподобный Далмат в миру был Дмитрием Ивановичем Мокринским. Родился он в 1594 году в городе-крепости (остроге) Березове. Жил в Тобольске, состоял на государственной службе, был женат, имел детей. Отец его был казачьим атаманом, мать, как некоторые считали, – дочерью новокрещенного татарина из рода мурзы Илигея, владельца земель по берегам реки Исети.

После смерти жены Дмитрий Мокринский ушел в Невьянский монастырь, где и был наречен Далматом. За свою начитанность и приверженность к вере Далмат пользовался таким уважением братии, что вознамерились они поставить Далмата наставником. Но, не желая этой чести, стремясь к уединению, Далмат тайно покинул Невьянский монастырь и ушел на дальнейшее поселение, захватив с собою родовую икону Успения Божией Матери. Нет, не убогий старец уходил в иноческий подвиг, а человек, рассчитывавший на свои силы и Божию помощь. Ведь ему пришлось нести на себе не только тяжелую икону, но и все, что необходимо для уединенного бытия.

По совету жителя Киргинской слободы Семена Сосновского Далмат выбрал для уединения удобное в географическом отношении место – высокий обрывистый холм – берег реки Исети, урочище Белое Городище – при слиянии рек Течи и Исети. Первым жилищем его была пещера около чистого ключа.

Земли, на которых поселился Далмат в 1644 г., принадлежали татарскому мурзе Илигею и сдавались им в аренду для промыслов «ирбитцам и невянцам Королевым и Шипицыным». Илигей дважды пытался вооруженным путем изгнать Далмата из своих владений. Трудно сказать, каким образом старцу удалось одержать победу в борьбе за эти земли. Считалось, что успех Далмата был обеспечен его родством с Илигеем по материнской линии, но сочинение Исаака сообщает, что этот факт не соответствует истине. Оно таким образом описывает этот эпизод: «...прииде той Илигей татарин к старцу Далмату во образе аки зверя и хотя ево убить. Старец же, видев ево тако ярящася и помыслив человечески, воспомянув апостола Павла: «В Риме бывша римлянам назвася» и протчая, также и старец Далмат причелся к нему, татарину, родом понеже по сестре ево: «А мати моя от сибирских татар от новокрещена родилася». И то слыша оный Илигей татарин и абие преста на малое время от убийства».

Второй раз Илигей возжелал согнать старца, но Далмата спасло чудо – божественное прозрение татарского мурзы. По дороге к пещере Далмата Илигея настигла ночь, и во сне ему было видение: Богородица в багряных ризах с хлыстиком в руках повелевала татарскому мурзе не только не трогать старца, в том числе и злым словом, но и отдать ему вотчину. Илигея охватил ужас, и во искупление своих грехов он передал Далмату владения на Белом Городище весной 1646 г. Таким образом, монастырская легенда представляла передачу земельных угодий основателю монастыря как добровольное пожалование. Скорее всего, Далмат договорился с Илигеем об аренде этой земли за более высокую плату, чем предыдущие арендаторы – Королевы и Шипицыны.

Тобольский боярин Павел Шульгин описал монастырскую вотчину по тем межам, по которым Илигей отдал ее Далмату в присутствии родственников и соплеменников. Длина владений «от высокова Соснового Яру» до «Атяшу озера» составила примерно 90 верст, ширина – 25-30 верст. Наверное, с тех пор и пошла у монахов поговорка: «Вплоть до Атяша все наше».

Спустя 5 лет, в 1651 г., старцы обратились с челобитной к царю Алексею Михайловичу и тобольскому воеводе Б.Б. Шереметьеву с просьбой о пожаловании им этих земель. В 1659 году по указу царя были установлены границы монастырской вотчины. Получив царскую жалованную грамоту, монастырь стал законным владельцем земельных угодий на р. Исети. В дальнейшем территория монастыря еще не раз расширялась за счет приобретения татарских земель.

Монастырь занимал выгодное стратегическое и географическое положение и поэтому стал своеобразными воротами для заселения обширного Исетского края. Он с первых лет основания манил к себе все новых и новых поселенцев. Первыми русскими поселенцами были исетские казаки, потомки казацкой дружины Ермака. Слух о новом монастыре распространился, и сюда стали прибывать люди из Верхотурского уезда, с Усолья и других мест, принося сюда свои фамилии и прозвания, живущие и поныне.

К 1651 г. первые насельники Далматовой пустыни построили на Белом Городище по благословению Тобольского архиепископа Герасима (Кремнева) деревянную часовню,

келлии и ограду – первые постройки будущего монастыря. Но им было суждено простоять недолго. Как сообщают документы, «в то лето по всей Исети никто русских людей не живал нигде, и пришли на них (т.е. жителей монастыря) ратию калмыцкие люди, и часовню и келлии у старцев и трудников пожгли и побили, а иных в полон побрали, только осталась на пожаре в пепле икона Пресвятыя Богородицы невредима, и старец Далмат сохранен бысть». С тех пор икона Успения Пресвятыя Богородицы считается защитницей и покровительницей Далматовского монастыря. Эта икона была принесена на Белое Городище Далматом из Невьянского монастыря. Вновь вокруг Далмата собрались сподвижники, и монастырь возродился. Были построены церковь во имя Успения Богородицы, келлии, монастырские службы, ограда с башнями.

В 1662–1664 гг. пустынь опять подверглась опустошительным нападениям башкирских кочевых племен и внуков последнего сибирского хана Кучума. Но после каждого разорения обитель вновь отстраивалась. Старец Далмат пережил тяжелые годы бедствий и испытаний. Несколько раз он был близок к смерти, дважды на его глазах монастырь был уничтожен до основания, и дважды он снова возводил его из груды пепла и развалин.

Далмат, не искавший по своему смирению суетной славы и власти, до самой смерти остался лишь простым старцем-иноком, несмотря на то, что ему как основателю, устроителю и руководителю монастыря по праву принадлежало и настоятельство в нем. Но хотя официально монастырем управляли другие старцы (так, в 1667 г. игуменом монастыря был назначен сын Далмата Исаак), авторитет Далмата был велик, и его слово было решающим. Он всегда был сторонником строгого соблюдения религиозных канонов, и никакие обстоятельства не могли заставить его отступить от них. В таком же духе он наставлял и монастырскую братию.

Умер Далмат 25 июня 1697 г. в возрасте 103 лет. Следовательно, год его рождения – 1594 г. Он был похоронен в монастыре на месте самой первой церкви, когда-то сожженной кочевниками. Еще при жизни Далмат изготовил себе гроб (выдолбил из большого дерева), который долгие годы хранился в сарае. Для захоронения Далмата был сооружен кирпичный склеп. В 1707 г. над склепом была построена деревянная усыпальница или часовня.

Усыпальница Далмата была главной святыней монастыря. За ней следили, восстанавливали после пожаров, подновляли, украшали. Сама гробница была расписана сюжетами и стихами о первоначальной истории монастыря и иноческом подвиге ее основателя.

Братия монастыря бережно хранила память о «начальном» старце, его вещи стали своеобразными символами торжества православной веры. Это шишак и кольчуга, подаренные Далмату мурзой Илигеем в знак примирения, келейная мантия и клобук. Позже, после смерти архимандрита Исаака, в усыпальнице появились его посох, мантия и клобук, а сам он был погребен в придельной церкви во имя преподобного Дмитрия Прилуцкого.

От года к году все больше людей приходило в монастырь, чтобы помолиться в усыпальнице Далмата, взять воды из родника. Народная память хранила рассказы о выздоровлении страдавших недугом после молитвы в часовне Далмата, а вода из родника считалась целебной. Далмата стали считать покровителем воинов, и перед отправкой в армию молодые люди обязательно приходили к его гробнице, надевали на себя кольчугу и шишак, тем самым как бы получая оберег. Таким образом, народная молва создала вокруг имени Далмата, его могилы и вещей ореол святости.

В 1871 г. на могиле инока Далмата был построен новый каменный храм Всех Скорбящих радости. Алтарь и собственно храм находились в середине здания и были окружены различными помещениями: с востока – для ризницы и церковной утвари, с юга – «для бесприютных и страждущих духовных лиц», с севера – для престарелой немощной монашествующей братии.

В 1896 г. над могилой преподобного Далмата в память исполнившегося 250-летия существования Далматовской обители вместо деревянной часовни была возведена

каменная усыпальница. В новой усыпальнице была воссоздана прежняя обстановка. Изнутри ее стены были украшены живописью на темы жития старца Далмата. Так же, как и в деревянной часовне, за гробницей стоял больших размеров крест-распятие с предстоящими, «все лица живописи старинной». На северной стене усыпальницы были размещены портреты Далмата и его сына – архимандрита Исаака. По утверждению Г. Плотникова, эти портреты были написаны масляными красками с натуры.

К 300-летию преставления святого в 1997 г. были составлены ему служба и акафист. В 2004 году по благословению патриарха всея Руси Алексия II преподобного Далмата Исетского причислили к местночтимым святым Курганской епархии, почитаемому в лике Собора Сибирских святых, с установлением дня памяти 8 июля.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-dalmat-isetskij-permskij>

Святитель Георгий (Конисский), архиепископ Могилевский

Дни памяти

*21 июня (переходящая) - Собор Белорусских святых
6 августа*

Свт. Георгий (Конисский) (1717-1795) родился в Нежине в дворянской семье. Окончив Киево-Могилянскую академию, принял монашество и стал преподавателем, позже – ректором академии. В 1755 году назначен епископом Могилёвским, где активно защищал православие в условиях гонений в Речи Посполитой: открывал школы, семинарии, издавал духовную литературу. Боролся с унией и католическим влиянием, отстаивал права православных. Скончался в 1795 году; его мощи оказались нетленными. Прославлен в 1993 году как местночтимый святой Белорусской Православной Церкви, а в 2017 году – общецерковно.

Святитель Георгий (Конисский)[1], архиепископ Могилёвский, в миру Конисский Григорий Осипович, родился 20 ноября 1717 года[2] в городе Нежине (ныне Черниговской обл.) в семье сотенного урядника, из западнорусского дворянского рода.

В 1728–1743 гг. обучался в Киево-Могилянской академии, в совершенстве овладел латинским, польским, греческим, древнееврейским и немецким языками, философию слушал у архим. Сильвестра (Кулябки).

11 августа 1744 г. принял монашество, постриг в Киево-Печерской Лавре совершил собор священнослужителей во главе с Киевским митр. Рафаилом (Заборовским).

С 1745 года – преподаватель поэтики (теории стихосложения) в Киевской духовной академии.

В 1747 г. рукоположен во священника, с того же года – профессор философии и преефект.

В 1750 году составил инструкцию «О порядке преподавания предметов во всех классах...». Поощрял занятия музыкой и живописью, разработал программы ряда академических курсов.

С 1751 г. – профессор богословия, настоятель Киевского Братского Богоявленского мужского монастыря, член Киевской духовной консистории.

В 1752 году назначен ректором академии и возведен в сан архимандрита.

В 1754 г. умер Могилёвский еп. Иероним (Волчанский), возглавлявший единственную православную епархию на территории Речи Посполитой. Назначению нового православного епископа предшествовали активные попытки католической партии при поддержке папы Римского Бенедикта XIV перевести епархию в унию.

20 августа 1755 г. состоялась хиротония архим. Георгия (Конисского) во епископа Могилёвского. Хиротонию в Софийском соборе в Киеве совершили Киевский митр. Тимофей (Щербацкий), Черниговский еп. Ираклий (Комаровский) и Переяславский еп. Иоанн (Козлович). Король Речи Посполитой Август III, исполняя одно из условий «Вечного мира» 1686 г., гарантировавшее защиту прав православных, санкционировал назначение нового епископа декретом от 3 июня 1755 г.

Возрождение церковной жизни епархии вл. Георгий начал с религиозно-нравственного воспитания и просвещения духовенства и паствы. В 1757 г. при архиерейском доме была открыта типография, здесь, в частности, были изданы некоторые труды Новгородского архиеп. Феофана (Прокоповича): «Катехизис» (1757; сокращенный вариант с дополнениями еп. Георгия разослан приходским священникам), «De arte poetica» (1786) и др. В Могилёве были открыты школьные классы, в 1759 г. – духовная семинария при Преображенском монастыре. Отстаивая право на образование для всех слоев населения, еп. Георгий также открыл школы в Быхове, Гомеле, Мстиславле, Орше, Рогачёве и др. Для пополнения состава духовенства ходатайствовал перед Святейшим Синодом о разрешении рукополагать русских подданных украинского происхождения или из пограничной Смоленской провинции, ходатайство было удовлетворено именным императорским указом от 25 января 1758 г. Одновременно святитель заботился о строительстве: при нем был освящен кафедральный Преображенский собор в могилёвском Преображенском монастыре (1762), сооружены здания консистории и духовной семинарии, ряд храмов. При строительстве нового архиерейского дома старый дом с землей был передан лютеранам. По инициативе еп. Георгия была приведена в порядок епархиальная документация, сформирован архив.

Защищая права православных, святитель неоднократно обращался за помощью в Святейший Синод и российскую Коллегию иностранных дел, собирал древние королевские грамоты, составил реестр храмов, отобранных у православных. На базе этих материалов издал справочную книгу «Права и вольности исповедующих греко-восточную веру в Польше и Литве» (Варшава, 1767; на польск. языке). Ценность книги была отмечена Святейшим Синодом, впоследствии документы из «Архива Конисского» использовались православными в тяжбах с униатами и католиками. Святитель много проповедовал, в своих проповедях он не останавливался и перед опасными вопросами о социальном неравенстве и особенно об отношениях между помещиками и крепостными. Он обличал иноверцев: католиков, евреев и магометан, а также масонов, "премудростию Соломоновою хвалящихся". Подозрительной казалась ему таинственность масонства – этого "просвещения, во тьме деемого".

В 1759 и 1760 гг. на его жизнь были совершены покушения.

В 1762 году еп. Георгий был приглашен на коронацию имп. Екатерины II в Москву, 29 сентября произнес речь, в которой выразил тревогу за судьбу православных в Польше. Речь стала манифестом политической лояльности западнорусского духовенства к российскому правительству. Из Москвы святитель вместе с имп. двором переехал в Санкт-Петербург, где жил до 1765 г. Синод представлял его на Псковскую кафедру, но Екатерина II ответила, что «Георгий нужен в Польше». Святитель способствовал оформлению нового курса российской дипломатии в Речи Посполитой, подав в 1763 г. от имени всех православных Польши челобитную императрице. Летом 1765 г. поехал в Варшаву для представления новому королю Станиславу Августу Понятовскому, 27 июля произнес речь о тяжелом

положении православных и всех некаатоликов-«диссидентов» (она была переведена на ряд европейских языков как образец защиты веротерпимости). Позже подал королю «Мемориал об обидах православным» из 20 пунктов. Принимал участие в заседаниях сеймов, разрабатывал статьи о положении православных, способствовал созданию «Вечного трактата», подписанного 13 февраля 1768 г. и даровавшего православным права, равные с католиками. Одновременно, испытывая давление со стороны католической партии и не рассчитывая на поддержку короля, участвовал в работе «диссидентских» конфедераций, в частности Слуцкой 1767 г. В 1768 г. стал членом смешанного суда для разбирательства религиозных споров между католиками и «диссидентами», покровительства у святителя искали протестанты.

В 1768 г. переехал в Смоленск, откуда продолжал руководить паствой, посылая письма и наставления. В соавторстве со Смоленским еп. Парфением (Сопковским) составил пособие по вопросам канонического права, литургики, проповеди и пастырского богословия «О должностях пресвитеров приходских» (СПб., 1776; переведено на англ. язык).

Еп. Георгий приветствовал первый раздел Польши 1772 г., уподобив его библейскому освобождению от египетского рабства. Южные из присоединенных к России территорий (составившие Могилёвскую, Оршанскую, Мстиславскую и Рогачёвскую провинции) были объединены в Могилёвскую, Мстиславскую и Оршанскую епархию, которую и возглавил святитель (с 10 января 1795 после расширения епархии стал именоваться Могилёвским и Полоцким).

Вернувшись в Могилёв, он выступил за немедленное массовое возвращение униатов в Православие, рассылал послания с призывом к этому по всей Белоруссии. Был одним из инициаторов императорского рескрипта от 2 июля 1780 г., разрешавшего назначать правосл. священников на освободившиеся униатские приходы. В 1781–1783 гг. в Белоруссии в лоно православной церкви возвратились 112 578 чел. Еп. Георгий посылал духовенству увещательные грамоты о запрещении обливательного крещения (1783), небрежного исполнения таинства исповеди (1789). Предпринял ряд мер по укреплению материального положения кафедры, вел большое строительство. В мае 1780 г. в Могилёве приветствовал имп. Екатерину II и австр. имп. Иосифа II, в память об исторической встрече состоялась закладка собора во имя св. Иосифа Обручника.

22 сентября 1783 г. был возведен в сан архиепископа и назначен членом Синода.

Одновременно святитель продолжал помогать православным, оставшимся на территории Польши, поручил игум. Виктору (Садковскому) представлять себя в сейме. Стараниями святителя Георгия 27 марта 1785 г. на территории Польши была восстановлена Переяславская епархия в юрисдикции Русской Церкви, кафедру возглавил еп. Виктор (Садковский). Архиеп. Георгий составил для него рекомендации по управлению епархией. В годы гонений на православие в Польше (1789–1792) святитель поддерживал тесную связь с Варшавой, информировал Синод о происходящих событиях.

Собрал за свою жизнь богатейшую библиотеку (1269 книг, 241 рукопись), открыл несколько госпиталей, странноприимниц, богаделен и др. Завел обычай раздавать по субботам в храмах деньги нищим, калекам, вдовам и сиротам. Перед кончиной составил завещание, в котором проявил заботу о богослужениях, монашестве, семинарии, пастве, клире, оставил средства для раздачи милостыни в храмах Могилёва.

Скончался 13 февраля 1795 года[3] в г. Могилёве. Погребен в приделе во имя вмц. Варвары Преображенского собора в Могилёве. Над могилой была прибита медная доска с надписью, составленной самим преосвященным:

Колыбель Нежин, Киев мой учитель,
Я в тридцать восемь лет сделался святитель.
Семнадцать лет боролся я с волками.
А двадцать два, как Пастырь, отдохнул с овцами.

За претерпенные труды и непогоду,
Архиепископом и Членом стал Синоду,
Георгий именем, я из Конисских дому,
Коню подобен бывал почтовому.
Сего тут падла закрыл грешны кости.
Год седмисотый пятый девяностый.

Гробница вскрывалась в 1812 г. французами и в 1875 г. во время ремонта храма, тело сохранилось нетленным. К 2005 г. собор был уничтожен, могила утеряна.

Почитание святителя началось почти сразу после кончины: у гробницы в соборе служились панихиды, молебны. 5–6 августа 1993 г. в Могилёве состоялось прославление святителя Георгия в лике местночтимых святых. Торжество возглавил патриарший экзарх всея Беларуси Минский митр. Филарет (Вахромеев). В 1993 г. было составлено житие, в 1995 г. – акафист святителю. Ему посвящены храмы в Могилёве и Слуцке.

Примечания

[1] Имя святителя Георгия было включено в месяцеслов Русской Православной Церкви Определением Освященного Архиерейского Собора 30 ноября 2017 года.

[2] В Православной Энциклопедии указана дата рождения: 9(20).11.1717

[3] В Православной Энциклопедии указана дата кончины: 2(13).02.1795

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-georgij-konisskij-mogilevskij>